Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Татьяна Уфимцева

Прокляты и убиты

ТЕКСТ СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ 18+

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Татьяна Уфимцева

Прокляты и убиты

«ФТМ»

Уфимцева Т. И.

Прокляты и убиты / Т. И. Уфимцева — «ФТМ», — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

«– Приехали, никак!– Выходи, товарищи красные бойцы.– Астарпала! Буч не, манау не? (Что это такое?)– Сибирь.– Сибир? Тайга? Ой-бай! Булжерде быз буржала куримыз! (Мы тут совсем пропадем!)– Ниче, привыкнешь!..»

© Уфимцева Т. И.
© ФТМ

Татьяна Уфимцева
Прокляты и убиты
Сценическая версия первой части романа Виктора Астафьева

Действующие лица

Булдаков
Шестаков
Зеленцов
Рындин
Снегирев Сергей
Снегирев Еремей
Талгат Харисов
Попцов
Мусиков
Васконян
Щусь Алексей Донатович – лейтенант,
Шпатор Аким Агафонович – старшина,
Скорик Лев Соломонович – капитан,
Мусенок – майор,
Брыкин – водитель Мусенка,
Мать Васконяна

*** * ***

Поезд шел сквозь сибирскую тайгу в расположение двадцать первого резервного полка. В вагонах сидело, стояло, лежало молодое воинство двадцать четвертого года рождения, собранное по пересылкам да по углам огромного государства. Состав миновал уже станцию Бердск и вдруг мерзло хрустнул и остановился в туманном стылом пространстве.

– Приехали, никак!
– Выходи, товарищи красные бойцы.
– Астарпала! Буч не, манау не? *(Что это такое?)*
– Сибирь.
– Сибир? Тайга? Ой-бай! Булжерде быз буржала куримыз! *(Мы тут совсем пропадем!)*
– Ниче, привыкнешь!
– Стоим на страже всегда, всегда, но если скажет страна труда!
– Скажет она.
– Рыло сперва умой!
– Рыло сперва умой, потом иди домой!
– Поэт нашелся, еп твою мать!
– Поэт не поэт, а лепит!
– Гляньте, вон лейтенант в сапогах чечетку бьет.
– Шесто колено исполнят.
– Дак ведь не жарко.

– Наша деревня тут недалеко, может, отпустят?
– Отпустят, штаны спустят!
Шпатор. Ну, будет мне с этими вояками смех и горе!
Щусь. Становись! Рывняйсь! Смирна! Булдаков!
Булдаков. Я!
Щусь. Зеленцов!
Зеленцов. Я!
Щусь. Рындин!
Рындин. Я, однако.
Щусь. Отвечать просто «я». Шестаков!
Шестаков. Я!
Щусь. Талгат Харисов! Кто Харисов?
Талгат. Ой-бай! Апа! Эке!
Щусь. Русский понимаешь?
Талгат. Мало-мало.
Щусь. Учить надо.
Талгат. Понял, понял, нашальник!
Щусь. Не начальник, а товарищ лейтенант. Харисов!
Талгат. Я!
Щусь. Вот так. Снегирев Сергей!
Сергей. Я!
Щусь. Снегирев Еремей!
Еремей. Я!
Щусь. Васконян!
Васконян. Пгисутствует.
Щусь. Так. Еще один умник. Отвечать как положено. Васконян!
Васконян. Я!
Щусь. Мусиков!
Мусиков. Я!
Щусь. Попцов!
Попцов *(сильно кашляя).* Я-а.
Щусь. Болен?
Попцов. Ага. Давно хвораю.
Щусь. Понятно. Напра-во!
Все, кроме Рындина, повернулись направо.
Булдаков. Хх-хы. Сено-солома!
Щусь. Отставить! Еще раз. Напра-во! В казарму шаго-ом арш! И ррыс-два! Ррыс-два! Песню запе-вай!
Шестаков затянул песню, все подтянули припев.

Мы идем за великую родину
Нашим братьям по классу помочь
Каждый шаг, нашей армией пройденный,
Прогоняет зловещую ночь!
Украина дорогая, Белоруссия родная,
Наше счастье на границе
Мы штыками, штыками оградим!

Коля Рындин слов не знал, потому вставлял свои.

Рындин. Святый Боже, Святый Крепкий, помилуй нас!

Плохо освещенная, мрачная казарма казалась без конца и без края. Строенная из сырого леса, она прела, гнила, была плесневелой и склизкой. Стекла в большинстве окон раздавило, отверстия были завалены сосновыми ветвями. Спальные места – трехъярусные нары, печь – кирпичная куча, дающая слабое тепло. К стене прислонен стеллаж для оружия, в стеллаже том одна-две винтовки, остальное – дощатые макеты. Казарма она и есть казарма, здесь все на уровне пещеры, а значит и пещерной жизни, пещерного быта.

Шпатор. Располагайтесь, товарищи бойцы.

Старшина Шпатор еще в прошлую, в империалистическую войну служил фельдфебелем. Потом пять лет сидел за что-то, зря ведь в Стране Советов не садят, вышел и снова прижился в армии. Начинал с конюшни, рядовым, дорос до старшины, но дальше не пускали, да и сам уж не хотел. Не было у него ни дома, ни семьи – всю жизнь на службе. Солдаты считали, что со старшиной им повезло, потому как на службе хороший старшина важней любого генерала. Важнее не важнее, но ближе, это точно.

Шпатор. Печь топите постоянно, по нужде подальше в лес бегайте. А ежели кто вздумает по котомкам шарить иль горючку пить, с тем у меня разговор будет особый. У меня не забалуешься! Кто старшину Шпатора проведет, тот дня не проживет, памаш, понятно?

Бойцы нестройно согласились.

Вот и ладненько.

Старшина ушел к себе в каптерку. Рындин достал из котомки хлеб, картошку, луковицу, подсел ближе к печке.

Рындин. Боже милостивый, Боже правый, избави меня от лукавого и от соблазна всякого…

Зеленцов. Эй, богоносец! Закурить есть?

Рындин. Не курящие мы.

Зеленцов. И не пьющие?

Рындин. По святым праздникам коды. Пива.

Коля Рындин был родом из деревни Верхний Кужебар, что стоит на берегу реки Амыл. Жили в деревне почти сплошь старообрядцы. Он, Коля, в семье пятый, всего же детей в дому двенадцать, родни же и вовсе не перечесть.

Рындин *(Попцову).* Я ж тебе говорил, парниша, покуль от еды воздёржись, разнесет тебя ажник на семь метров против ветру… Не шшытая брызгов! Понос – штука переходчивая, а тут барак, опчество, перезаразишь народ. На вот, скипятится и пей.

Еремей. Че это? Че за лекарство?

Рындин. Ягоды черемухи, кровохлебка, змеевик и еще много чего. Все освящено и ошоптано баушкой Секлетиньей. Она те не то что понос, она хоть грыжу, хоть рожу, все заговорит. И еще брюхо терёт.

Сергей. Брюхо-то кому?

Рындин. Кому-кому. Не мне жа! Женшынам, конечно, чтоб ребеночка извести, коли не нужон.

Шестаков. Берите вон табачку, ребята, у меня много.

Булдаков. Закуривай, курачи, кто не курит, тот дрочи!

Талгат. Ой-бай! Бызды кайдаэкелды…*(Куда же нас завезли!)*

Шестаков. Че это он?

Зеленцов. Жалуется.

Булдаков. Э-эх… Я ковды кочегаром на Марее ходил…

Шестаков. На какой Марии?

Булдаков. На сестре Ленина.

Шестаков. Чего?

Зеленцов. Да пароход это, пароход. А ты че подумал? Ну, бля, потеха…

Булдаков. Погоди, кореш. Так вот, на Марее в рейс отправимся, дойдем до первой загрузки – сразу закупаем корову для ресторана, рыбы пол-лодки… Еда – во! Пассажирок – во! Эх, жизнь была!

Зеленцов. Целки попадались?

Булдаков. Всякие попадались. Говорю же – роскошная жизнь!

Зеленцов. Тоже мне роскошь, дровами пароход набивать! Я вот, сучий рот, и в мерзлоте вечной харч добывал, выпить добывал, когда и бабу.

Булдаков. Мерзлоту долбать краше что ли?

Зеленцов. Мерзлоту долбаешь под охраной, никто тебя не украдет, все бесплатное кругом. Удовольствия скоко!

Васконян. Ложитесь здесь, Никовай, здесь от печки теплее.

Зеленцов. На пол не свались, братва, простудите ливер!

Рындин. И да будет благодать твоя на мне, Господи, яко огонь попаляй нечистые во мне силы…

Булдаков. Где ты так навострился-то?

Рындин. Навострисся, брат, коды усердие проявишь – баушка Секлетинья поперед себя поставит, чуть отвлекся – по затылку вмажет. Кроме того, баушка Секлетинья сказывала, что Бог для молитвы головы очищат, память укреплят, потому хрестьяне молитвы помнят.

Васконян. Молитвы составляли вучшие умы и поэты Земли. Оттого они достигают сегца.

Постепенно казарма угомонилась и затихла. Уснули не сразу, было тревожно оттого, что незнакомое все кругом, казенное, безрадостное. Тяжкие предчувствия томили молодых парней: зимой здесь будет еще хуже. А если так, скорей бы уж на фронт, там перед смертью все равны, все одинаково подвержены выбору судьбы. Так близко и так далеко от истины были эти молодые бойцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.